

ТИПОЛОГИЯ МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ

Материалы международной конференции
«Типология морфосинтаксических параметров 2014»

Выпуск 1

Москва
МГГУ им. М. А. Шолохова
2014

Е. А. Лютикова

МГУ — МГТУ им. М. А. Шолохова, Москва

РУССКИЙ ГЕНИТИВНЫЙ ПОСЕССОР И ФОРМАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ИМЕННОЙ ГРУППЫ¹

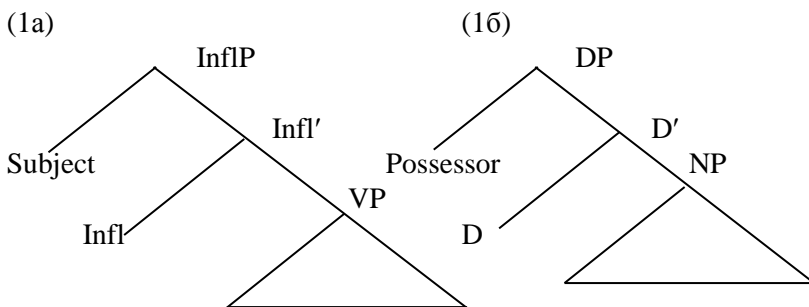
1. Посессор в структуре ИГ

Посессор занимает особое место среди зависимых именной группы. Он демонстрирует структурный приоритет над остальным материалом ИГ и — в тех языках, где именная вершина согласуется с каким-либо из своих зависимых, — контролирует подобное согласование. В этой связи посессор часто рассматривается как «подлежащее», т. е. непосредственная составляющая, ИГ.

Анна Сабольчи, привлекая венгерские данные такого рода, по-видимому, первой провозглашает параллелизм структуры клаузы и именной группы: “I will argue that NP in Hungarian is S-like in that it has an INFL and a periferal position” [Szabolcsi 1983: 89]. Второй шаг в этом направлении делает в своей диссертации Стивен Эбни; он идентифицирует элемент, аналогичный INFL клаузы, как вершину D(eterminer), что дает начало DP-гипотезе: “Consideration of languages in which nouns, even the most basic concrete nouns, show agreement (AGR) with their possessors, points to an analysis of the noun phrase as headed by an element similar to INFL, which provides a position for AGR; I call this INFL-like element D” [Abney 1987: 3].

Анализ Эбни эксплицитно выражает особый структурный статус посессора: подобно тому, как подлежащее клаузы является спецификатором функциональной вершины INFL, доминирующей над глагольной группой, посессор именной группы является спецификатором функциональной вершины D, принимающей в качестве комплемента группу лексического существительного, ср. (1а-б).

¹ Работа над статьей велась в рамках проекта «Типология порядка слов, коммуникативно-синтаксический интерфейс и информационная структура высказывания в языках мира» Российского Научного Фонда (РНФ), номер проекта 14-18-03270.

Сходство посессора с подлежащим проявляется и в том, что соответствующая позиция является производной и не связанной с определенной семантической ролью. В то время как подлежащее поднимается из глагольной группы (или из еще более глубокой позиции во вложенной клаузе), позиция посессора также оказывается конечной точкой подъема аргументных ИГ. В частности, как замечает Эбни, подлежащие номинализаций демонстрируют посессивный морфосинтаксис в турецком и в английском языке (2)-(3).

(2) а. [DP sen-in [NP el] -in]
ты-GEN рука-2SG
'твоя рука'

б. [DP Halil'-in [VP kedi-ye yemek ver-me-diğ]-i]
Х.-GEN кошка-DAT еда давать-NEG-NMN-3
'то, что Халил не дал еду кошке'

(3) а. [DP John's [NP book]]

б. [DP John's [VP building the spaceship]]

Параллелизм структур (2а-б) и (3а-б) предполагает, что передвижение подлежащего номинализации в позицию Spec, DP является А-передвижением, а значит, источником генитива является функциональная вершина D, аналогично тому, как источником номинатива подлежащего является функциональная вершина Infl. Следовательно, приписывание генитива в ИГ есть одна из диагностик присутствия в структуре вершины D.

Итак, DP-гипотеза делает следующие утверждения касательно места посессора в структуре ИГ: (i) посессор предметных имен и внешний аргумент номинализации занимают идентичные структурные позиции; (ii) источником приименного аргументного генитива является функциональная вершина D; (iii) из дополнительной дистрибуции посессоров, притяжательных местоимений и артиклей следует их структурная связь с общей проекцией — DP.

2. Структура ИГ в безартиклевых языках

С появлением DP-гипотезы, увязывающей такую конкретно-языковую фразовую категорию, как артикль, со специфической функциональной проекцией, доминирующей над группой лексического существительного, возник вопрос об универсальности структуры именной группы: является ли наличие/отсутствие артиклей в языке параметром, характеризующим только лексикон, или за ним стоит базовое отличие в синтаксическом устройстве именных составляющих. Полемика об универсальности DP-структуры именных групп особенно остро и плодотворно ведется в последнее десятилетие как раз на материале славянских языков. В частности, один из противников существования DP в безартиклевых языках Желько Бошкович [Bošković 2008] рассматривает целый ряд параметров, противопоставляющих артиклевые и безартиклевые языки, и утверждает, что подобные отличия можно вывести из дихотомии DP- vs. NP-статуса именных групп в этих языках.

Одним из параметров, имеющим непосредственное отношение к проблематике данной статьи, является количество генитивов, лицензируемых в именной группе. Бошкович указывает, что в то время как английские ИГ допускают два генитивных зависимых (внутренний аргумент оформляется *of*-генитивом, а внешний аргумент -'*s*-генитивом), русские именные группы располагают только одной генитивной позицией для аргументов ИГ, ср. (4)-(5).

(4) а. John's picture of Bill

б. John's reading (of) the book

(5) а. исполнение арии

- б. исполнение Шаляпина
- в. *исполнение арии Шаляпина

Тезис Бошковица, однако, легко опровергается эмпирическими данными русского языка. Как указывается во многих работах, посвященных русским именным группам, начиная по меньшей мере со статей [Падучева 1984] и [Борщев, Кнорина 1990], и впоследствии в [Englehardt, Trugman 1998; Rappaport 1998, 2002, 2004; Гращенков 2004; Trugman 2005, 2007; Pereltsvaig 2007, 2013], двухвалентные русские существительные могут иметь два генитивных аргумента:

- (б) а. коллекция редких монет профессора
- б. конспект лекции брата
- в. фотографии крестьян Смирнова
- г. таблица элементов Менделеева

Поиск в корпусе подтверждает грамматичность и распространенность подобных конструкций: в (7) приводится лишь незначительное количество полученных текстовых примеров.

(7)

личная коллекция старинных фотографий Сергея Покаякина; коллекция зажигалок вашего хозяина; коллекция игрушек вашего ребёнка; коллекция вирусов Института вирусологии; закон тяготения Ньютона; закон мнений Локка — Юма; закон тождества формальной логики; закон передвижения согласных Гримма; принцип ограниченной рациональности поведения человека Г. Саймона; теория относительности Эйнштейна; гипотеза времени Э. Гуссерля; обобщение понятия разбиения Кокстера; распределение вероятностей Пуассона; Портрет Мольера Шарля Лебрена; «Портрет женщины в черной шляпе» Рембрандта; портреты русских знаменитостей швейцарского фотографа Мишеля Конта; фотографии ушедшей эпохи Прокудина-Горского

Таким образом, налицо контраст между русскими номинализациями в (5), действительно допускающими только один ар-

гумент в генитиве, и непроизводными существительными, лицензирующими два генитивных аргумента.

Этот факт используется М. Энгельхардт и Х. Тругман, а также Г. Раппапортом [Englehardt, Trugman 1998; Trugman 2005, 2007; Rappaport 2002, 2004] для аргументации DP-анализа именных групп в русском языке. Исследователи высказывают гипотезу, согласно которой в русских именных группах имеется два источника аргументного генитива — лексическая вершина N и функциональная вершина D. Генитив, приписываемый этими вершинами, имеет разный статус. Лексическая вершина приписывает падеж при управлении, одновременно с передачей аргументу семантической роли. Такой генитив оказывается тесно связан со своим источником и относится к ингерентным падежам в типологии Теории падежа. Функциональная вершина D приписывает структурный генитив: он не «привязан» к определенной семантической роли и доступен в любой именной конструкции, проецирующей DP.

Если эти исходные предположения верны, становится понятной дистрибуция генитивных зависимых в ИГ с непроизводными именными вершинами и в номинализациях. ИГ с вершинной-переходным существительным может иметь два аргументных генитива, если лексическое существительное приписывает своему комплементу ингерентный генитив. В номинализациях же лексическая вершина N отсутствует (или по меньшей мере не имеет собственных аргументов), поэтому источник родительного падежа один — это функциональная вершина D.

Анализ Энгельхардт и Тругман, с одной стороны, и анализ Раппапорта, с другой стороны, отличают некоторые детали: в частности, Энгельхардт и Тругман предполагают, что генитивный внешний аргумент располагается в позиции Spec, DP и постулируют для русского языка правое ветвление спецификатора; Раппапорт допускает получение посессором генитива от вершины D *in situ*, без передвижения в соответствующую проекцию. Тем не менее в обоих случаях объяснение различного поведения предметных существительных и номинализаций получает объяснение с опорой на гипотезу о D как источнике генитива в именной группе.

Отдельный вопрос представляет позиция притяжательных местоимений и прилагательных в структуре русской именной группы. В таких языках, как английский и французский, они обнаруживают дополнительную дистрибуцию с артиклями и фразовыми посессорами и тем самым претедуют на статус вершины или спецификатора в проекции D. Для славянских языков, в частности, для русского, также имеются данные, свидетельствующие о структурном сходстве генитивных и притяжательных посессоров.

Во-первых, притяжательные местоимения и прилагательные референтны, что подтверждается их способностью связывать анафоры и выступать антецедентами текстовой анафоры (8), см. [Падучева 1974, 1977, 1984, 2009; Pereltsvaig 2007; Шмелев 2008]. Во-вторых, они демонстрируют категориальное сходство с генитивными посессорами: могут сочиняться с ними (9) и соответствуют генитиву в копирующих падеж сравнительных оборотах (10).

(8) а. ...ценили его преданность училищу и его_i гордость свои-ми_i александровцами.

б. Родители были слишком заняты друг другом, чтобы замечать ее_i недовольство собой_i и окружающим миром...

(9) а. моя и моей жены машина [Rappaport 2004]

б. ...моё и Сашки рабочее место было рядом с кабинетом НВ...

в. Дубай поразил сознание мое и Кирсана своим размахом в строительстве и бизнесе.

(10) а. Ваша задача как европейцев будет ... [Rappaport 2004]

б. ... ставит под сомнение Вашу компетентность/компетентность Вас как биографа [Падучева 1984]

Исходя из этих данных, обычно предполагают, что притяжательные местоимения и прилагательные занимают структурную позицию генитивного посессора; притяжательность, таким образом, это генитивная форма местоимений и некоторых существительных (*мамин, Колин, Марксов*).

Таким образом, структура именной группы в русском языке оказывается максимально приближена к аналогам артиклевых

языков: генитивный посессор/аргумент номинализации оказывается связан с проекцией определителя и в отношении падежа, и в отношении возможной структурной позиции и дополнительной дистрибуции с притяжательными зависимыми.

3. Проблемы анализа

Представленный в предыдущем разделе анализ русского генитивного посессора, к сожалению, сталкивается с рядом проблем эмпирического и теоретического характера. В настоящем разделе будут представлены аргументы против гипотетической связи генитива в русской ИГ с функциональной проекцией D. Мы предполагаем подробнее рассмотреть следующие аспекты «теории D-генитива»: предсказания касательно порядка слов в ИГ с двумя аргументами, тезис о связи генитива с вершиной D, обоснованность объяснений различного поведения предметных существительных и номинализаций их деривационной историей и, наконец, представление о притяжательных формах как варианте озвучивания генитива.

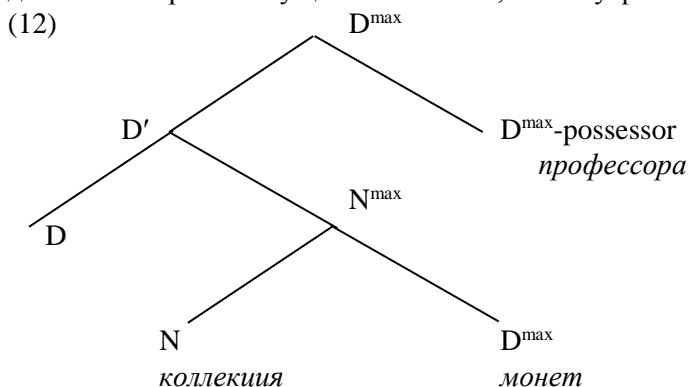
3.1. Порядок слов в именной группе с двумя аргументами.

В [Engelhardt, Trugman 1998; Гращенков 2004; Trugman 2005] вводятся линейные иерархии правых генитивных зависимых в русской именной группе, которые обобщают регулярную закономерность, связанную со взаимным расположением внутреннего и внешнего аргумента предметного существительного: аргумент-тема предшествует аргументу-агенсу или посессору, как это представлено в (11)

- (11) а. фотографии крестьян Смирнова
N Th Ag/Poss
б. конспект лекции брата
N Th Ag/Poss
в. коллекция монет профессора
N Th Ag/Poss

Такой порядок слов хорошо согласуется с представлением о двух источниках генитива в ИГ: внутренний аргумент является компонентом существительного и получает ингерентный генитив *in situ*, в то время как падеж внешнего аргумента является

структурным и связан с вышестоящей вершиной D . Неважно, получает ли внешний аргумент генитив в базовой позиции, или поднимается в спецификатор D – при последовательном правом ветвлении, которое предполагают для русской DP как Энгельхардт и Тругман, так и Раппапорт, внешний аргумент окажется дальше от вершины-существительного, чем внутренний:

Важный факт о порядке слов в русской ИГ, который не в состоянии объяснить теория D -генитива, состоит в том, что указанные линейные иерархии действуют только в том случае, если оба аргумента генитивные. Если же внутренний аргумент выражен другим падежом или соответствует предложной группе, базовый порядок слов меняется: генитивный внешний аргумент располагается ближе к именной вершине, чем не-генитивный внутренний аргумент. В (13)-(14) и (15)-(16) приводятся результаты поиска в НКРЯ для предметных существительных *письмо* и *эскиз*, имеющих не-генитивный внутренний аргумент.

- (13) а. машинописное письмо Пастернака Хрущеву
 б. письма Л. Пантелеева слушателям
 в. кусочек из письма Пушкина Вяземскому
 г. письмо Турганова правлению
 д. письма трудящихся великому Сталину
 е. письмо операторов президенту Дмитрию Медведеву
 ж. письма президента «Роснефти» Сергея Богданчикова заместителю председателя правительства Игорю Сечину
 з. письма Бакунина сёстрам
 и. письмо Поппера руководству Австралийского университета

- (14) а. ...узнал о судьбе своих писем Сталину
б. письмо Травкину от матери
в. письма родным с фронта
г. Сестра поэта О. С. Павлицева в письме мужу 13-15 августа 1831 года признавалась...
- (15) а. эскизы И. Рабиновича к опере «Любовь к трем апельсинам»
б. три ярких эскиза художника В. Фуфыгина к спектаклю 1966 года
в. эскиз Нателлы к «Золушке»
г. эскизы Куманькова к этой картине
- (16) а. ...внук В. Д. Поленова, чьи эскизы к спектаклям Русской оперы Мамонтова...
б. эскиз к третьему действию балета, выполненный художником Э. Вардаунисом
в. его эскиз к декорации Эрмитажного театра
г. мой словесный эскиз к этой теме
д. все мои эскизы к портрету Троцкого

Примеры (13) и (15) найдены в результате поиска по запросу «существительное в родительном падеже на расстоянии 1-3 слов от вершины»; мы видим, что дативный внутренний аргумент и внутренний аргумент, выраженный предложной группой, могут следовать за сочетанием «вершина+генитивный внешний аргумент». Примеры (14) и (16) — результат поиска по зеркальному запросу «существительное в дательном падеже/предлог *к* на расстоянии 1-3 слов от вершины». Все найденные контексты объединяет тот факт, что ни один из них не сопровождается генитивным внешним аргументом. Агенс либо выражается притяжательным местоимением (*свои письма, мой эскиз*), либо соответствует имплицитному аргументу (*письма с фронта, Павлицева признавалась в письме*).

Аналогичные результаты получаем для абстрактных существительных и имен действия: не-генитивный внутренний аргумент следует за именной вершиной только в том случае, если внешний аргумент не выражается генитивом, ср. (17) и (19) с (18) и (20).

- (17) а. недовольства соратников его контактами с чеченскими сепаратистами
б. естественное недовольство артиста самим собой
в. общее недовольство коллег по цеху агрессивной политической «молодых олигархов»
г. недовольство Сталина самонадеянностью одного из маршалов
д. недовольство населения этой проблемой
- (18) а. президентское недовольство активностью крупного бизнеса
б. ... высказала свое недовольство покрывками
в. очевидное недовольство премьером со стороны части администрации президента
г. недовольство Беспаловым в «Единой России»
- (19) а. помощь Арнольда Попову
б. помощь тёти Поли своим землякам
в. помощь жены и семьи предпринимателю
г. гуманитарная помощь России Афганистану
д. помощь правительства русской иммиграции
е. помощь Ирака палестинским экстремистам
ж. помощь немцев евреям
- (20) а. его активная помощь следствию
б. помощь Петлюре от красных
в. ... предложил свою помощь родине социализма

Данные о порядке слов в именных группах с двумя аргументами суммированы в (21). Мы видим, что линейный порядок аргументов определяется двумя параметрами. Первый параметр — это способ оформления аргумента, второй параметр — это семантическая роль аргумента. Если существительное управляет не-генитивным внутренним аргументом, то ближе к именной вершине располагается генитивный внешний аргумент. Если же внутренний аргумент существительного оформляется генитивом, то на линейный порядок аргументов начинает влиять дихотомия внешнего и внутреннего аргумента: внутренний аргумент оказывается ближе к именной вершине, чем внешний.

- (21) а. фотографии крестьян Смирнова

	N	int	ext
б.	конспект	лекции	брата
	N	int	ext
в.	письмо	Пушкина	Вяземскому
	N	ext	int
г.	эскиз	Нателлы	к «Золушке»
	N	ext	int
д.	торговля	англичан	опиумом
	N	ext	int
е.	ответ	Кремля	коммунистам
	N	ext	int

Легко видеть, что такие закономерности словорасположения плохо соотносятся с гипотезой D-генитива внешнего аргумента, поскольку противоречат тому, что мы знаем о связи структурных падежей и линейной позиции цели. Действительно, если ИГ-цель получает структурный падеж *in situ*, тогда ее линейная позиция определяется принципом проекции. В таком случае ИГ с одной семантической ролью (внешнего аргумента) должны оказываться в одной структурной позиции. Следовательно, генитивный аргумент в (21а) и (21в) находятся в идентичных позициях в составе ИГ, но при этом внутренний аргумент существительного (*крестьян* и *Вяземскому*, соответственно) располагается либо левее, либо правее этой позиции. Поскольку в обоих случаях предполагается, что мы имеем дело с комплементом N, получающим ингерентный падеж *in situ*, такая конфигурация невозможна.

Если же ИГ-цель получает структурный падеж — D-генитив — в «области» зонда (Spec, DP), тогда генитивный внешний аргумент должен всегда оказываться в крайней левой (или крайней правой) позиции в ИГ, чего мы, очевидно, не наблюдаем в (21в-е).

Потребность генитивного аргумента в прилагании к именной вершине напоминает известное требование падежного прилагания (Case adjacency), сформулированное в [Stowell 1981]. Стоуэлл предполагает, что неграмматичность (22б) связана с тем, что ИГ *her allowance* расположена неконтактно с переходной вершиной V, приписывающей этой ИГ аккузатив. Тот факт, что номинализации в (23) допускают различный порядок следования

аргументов-предложных групп, говорит о том, что неграмматичность (22б) не связана с различиями в семантических ролях.

- (22) а. Maggie donated [_{NP} her allowance] [_{PP} to the charity].
 б. *Maggie donated [_{PP} to the charity] [_{NP} her allowance].
- (23) а. [Maggie's donation [_{PP} of her allowance] [_{PP} to charity]] was nice.
 б. ?[Maggie's donation [_{PP} to charity] [_{PP} of her allowance]] was nice.

В русском языке требование падежного прилагания засвидетельствовано как минимум еще в одной конструкции — компаративной [Grashchenkov, Lyutikova 2008]. В (24) представлен случай, когда эталон сравнения выражен генитивной именной группой. Мы видим, что эта ИГ должна располагаться ближе к компаративу, чем внутренний аргумент прилагательного — предложная группа *к футболу*. Примечательно, что это ограничение действует только для генитивного эталона: из (25) видно, что эталон сравнения, вводимый союзом *чем*, «пропускает» вперед компонент прилагательного.

- (24) а. равнодушнее Пети к футболу
 б. *равнодушнее к футболу Пети
- (25) а. ?равнодушнее, чем Петя, к футболу
 б. равнодушнее к футболу, чем Петя

Важно отметить, что падежное прилагание всегда связано с приписыванием падежа управляющей вершиной. В этой связи требование прилагания внешнего аргумента к вершине — существительному более естественно трактовать как свидетельство падежной связи между внешним аргументом и именной вершиной, а не внешним аргументом и вершиной D.

3.2. Именные группы малой структуры.

В серии работ А. Перельцвайг [Pereltsvaig 2006, 2007, 2013] проводится мысль о внутриязыковой параметризации ИГ в отношении проекции DP: именные группы полной структуры образуют DP, в то время как именные группы неполной структуры (Small Nominals, SN) проецируют группу лексического существительно-

го (NP) и, возможно, некоторые промежуточные функциональные группы, такие как количественная группа (NumP). Такая типология позволяет объяснить регулярно воспроизводящуюся в разных языках и в разных синтаксических позициях совокупность синтаксических и семантических свойств, характеризующих различающиеся количеством функциональной структуры именные группы.

Одним из признаков, свидетельствующих об отсутствии проекции DP, для русского языка считается отсутствие предикативного согласования с количественной конструкцией. Как известно, количественные группы в позиции подлежащего либо вызывают предикативное согласование по множественному числу (26а), либо допускают форму 3 лица единственного числа среднего рода сказуемого, что интерпретируется как означивание признаков по умолчанию (26б). Если исходить из наличия DP в русском языке и тезиса Перельцвайг о параметризации категориального статуса именных групп внутри русского языка, то мы получаем естественное объяснение вариативному предикативному согласованию в (26): в (26а) представлена DP, в то время как в (26б) — ИГ малой структуры, QR.

- (26) а. Пришли [DP (эти)] [QR пять писем]
б. Пришло [QR (*эти)] пять писем]

Теория D-генитива предсказывает, что в отсутствие проекции D генитив внешнего аргумента окажется недоступен. Однако, как видно из (27), эти предсказания не подтверждаются языковым материалом: количественные группы, в которых внешний аргумент получает генитив, сочетаются с дефолтным предикативным согласованием, то есть проявляют свойства именных групп неполной структуры. Следовательно, (27) ставит под сомнение связь генитива внешнего аргумента с вершиной D

- (27) а. Сохранилось почти двести писем Антона к Александру.
б. ... архив семьи Цетлиных-Прегель, в котором ... сохранилось более 60 писем Буниных Марии Самойловне Цетлиной за 1940-47 гг.

в. При последнем побеге я оставил в беспорядке свои бумаги; среди того, что захватил, оказалось несколько писем Дедкова.

г. На выставке представлено более 50 коллекций одежды молодых модельеров России.

3.3. Процессность и производность.

Теория D-генитива опирается на простую дихотомию двух классов существительных в отношении доступности генитивных аргументов. Предметным непроизводным² существительным, проецирующим до двух аргументных генитивов (*коллекция*), противопоставляются процессные производные от глагола регулярным способом номинализации, допускающие выражение генитивом только одного аргумента (*коллекционирование*). Такая дихотомия делает очевидной связь между количеством генитивов и количеством именных проекций: в структуре [DP [VP]] именная проекция одна (DP), а в структуре [DP [NP]] таких проекций две (DP и NP).

Типология существительных, однако, в действительности сложнее: как неоднократно отмечалось в литературе о русских номинализациях (Падучева 1974, 1977, 1984, 2009; Апресян 1974; Comrie 1980; Пазельская 2003, 2004, 2005, 2006), регулярная производность от глагола и доступность событийной интерпретации являются двумя независимыми параметрами, вследствие чего наряду с указанными выше классами имеются также событийные непроизводные существительные (*критика*) и предметные существительные, производные от глагола регулярным способом (*сочинение*).

Гипотеза D-генитива предсказывает, что количество доступных генитивов будет определяться статусом аргументов: если аргументы принадлежат глагольной группе, возможен только один генитив; если же аргументы проецируются существительным, то возможны два аргументных генитива. Вместо этого, од-

² Под непроизводностью в данном контексте имеется в виду не словообразовательная непрозрачность, а отсутствие изменения синтаксической категории (номинализации) в ходе синтаксической деривации. Подобное понимание восходит к работе [Chomsky 1970], в которой провозглашается синтаксически непроизводный характер нерегулярных имен действия в английском языке и синтаксически производный характер регулярных *ing*-овых номинализаций.

нако, мы обнаруживаем корреляцию количества генитивов не с наличием глагольной основы, а с параметром событийности.

Непроизводные (и нерегулярные) процессные существительные в отношении аргументной структуры ведут себя как регулярные событийные номинализации на *-ние/-тие*. Например, существительные *запрет, критика, контроль, поддержка* встречаются в корпусе только с одним генитивным аргументом, внутренним или внешним (см. (28а-д), (29а-ж), (30а-б), (31а-б)); одновременное выражение генитивом двух аргументов обычно невозможно (ср. (28е-з), (29з), (30в), (31в)).

- (28) а. запрет ислама изображать живые существа
б. строители вплоть до запрета Госгортехнадзора вели работы днем и ночью
в. получить повод для запрета КПРФ
г. запрет изданий АН на иностранных языках
д. добился официального запрета секты караимов
е. ???запрет испытаний химического оружия конгресса США
ж. *запрет городских властей рекламы пива
з. *запрет компартии Ельцина/*запрет Ельцина компартии
- (29) а. ... известный своей последовательной критикой действий президента РФ
б. жесткая критика делегатов со стороны городской общест-
венности
в. «ЯБЛОКО» хочет побеждать за счет повальной критики
«Союза правых сил»
г. критика премьера Михаила Касьянова в адрес министра
финансов Алексея Кудрина
д. эйнштейновская критика старика Планка
е. Марксова критика взглядов Штирнера
ж. их аргументированная критика концепции «реальной
политики»
з. *критика Планка Эйнштейна/*критика Эйнштейна План-
ка
- (30) а. поддержка курса рубля
б. поддержка Алексея Кудрина
в. *поддержка курса рубля Алексея Кудрина
г. поддержка курса рубля Алексеем Кудриным

- (31) а. контроль качества медицинской помощи
б. контроль глав регионов над ключевыми позициями в органах местного самоуправления
в. *контроль качества медицинской помощи грамотных специалистов
г. контроль качества медицинской помощи грамотными специалистами

Отдельно следует остановиться на регулярно фиксируемом в корпусе выражении внешнего аргумента творительным падежом (ср. (30г), (31г)). Появление агентивного дополнения в творительном падеже не в номинализациях на *-ние/-тие*, а в конструкциях с непроизводными существительными явным образом свидетельствует против «пассивного» анализа номинализаций: мы видим, что доступность агентивного дополнения в творительном падеже принципиально не связана с пассивизацией переходной структуры.

С другой стороны, производные отглагольные существительные на *-ние/-тие*, развивающие предметные и абстрактные значения (result nominals), обнаруживают способность управлять двумя аргументными генитивами. В этом отношении они ведут себя как непроизводные предметные и абстрактные существительные. Заметим, что, лишившись процессной интерпретации, существительные на *-ние/-тие* утрачивают и способность присоединять агентивное дополнение в творительном падеже.

- (32) а. собрание картин Эрмитажа / *Эрмитажем
б. соотношение потребностей Маслоу
в. преобразования векторного пространства Лоренца
г. преобразование последовательностей Фурье
д. обобщение разбиений Кокстера
е. распределение вероятности Фишера
ж. ранение рук лейтенанта / # лейтенантом

Итак, оказывается, что (не)допустимость двух генитивов коррелирует не с деривационной историей существительного, а с его интерпретацией: событийные существительные допускают только один генитив (не считая интенционального) и в этом случае лицензируют агентивное дополнение; предметные существи-

тельные и абстрактные result nominals допускают два генитивных аргумента.

3.4. Притяжательные местоимения и прилагательные.

Наконец, последний тезис теории D-генитива увязывает притяжательные местоимения и прилагательные с проекцией DP и представляет их как реализацию генитива местоимений и некоторых существительных. Это положение также не лишено недостатков.

Несмотря на существенное пересечение семантических функций притяжательных адъективов и генитивных ИГ, представление о притяжательном местоимении как генитиве местоимения-существительного в общем случае неверно. Можно указать как минимум три случая, когда «генитив местоимения» в именной группе не взаимозаменяем с притяжательным местоимением.

Во-первых, это партитивный (количественный) генитив, который возникает в конструкциях с количественными существительными (33). Во-вторых, это интенциональный генитив, управляемый существительными со значением эмоции, желания, с модальным значением. В-третьих, это отмечаемый в работах Е. В. Падучевой и А. Г. Пазельской [Падучева 1984, Rapport 2002, Пазельская 2006, 2007] случай, когда генитив внутреннего аргумента в переходной номинализации не может быть выражен притяжательной формой (35). Таким образом, с формальной точки зрения генитив личного местоимения и притяжательное местоимение — это разные единицы.

(33) а. Часть меня (# моя часть) осталась где-то в ланкастерских полях, а может быть, на берегу Северного моря.

б. ...в Петербурге большинство нас (# наше большинство) уже давно начало порядочно голодать...

в. Кажется, что потерял я половину себя (# свою половину), и не могу понять чего хочу?

(34) а. Он увидел красную, веселую Москву Честнову, и вздрогнул от боязни ее (# ее боязни).

б. Народ имеет несомненное право на власть, но хочет народ — не власти (жажда ее (# ее жажда) свойственна лишь процентам двум)...

(35) а. Конечно, признание меня в Италии сыграло решающую роль в том, что я сразу получила известность у себя на родине. (^{OK}меня признали, ≠я призналась; ср. # мое признание)

б. Но самым характерным в той ситуации эпизодом было облачение меня в сценический костюм. (^{OK}меня облачили, ≠я облачилась, ср. # мое облачение)

в. Поторопившись родиться, поторопился я совершить первую в моей жизни бестактность: досточтимому отцу Овельту, настоятелю польской церкви (что в Милютинском переулке), при погружении меня в купель совершенно отчётливо показал я нос. (^{OK}меня погрузили, ≠я погрузился, ср. # при моем погружении)

г. Со времени увольнения меня в отставку, я считаю себя от всяких обязательств по отношению к Вам свободным и предложение Ваше для себя совершенно необязательным. (^{OK}меня уволили, ≠я уволился, ср. # моего увольнения)

С содержательной точки зрения идентичность генитивных и притяжательных форм также сомнительна. Притяжательные формы никогда не конкурируют с генитивными зависимыми за семантическую роль: «на долю» притяжательных местоимений и прилагательных достаются лишь те интерпретации, которые не были выражены генитивными (и другими) именными группами в аргументных позициях. Так, в (36а) постпозитивные генитивные ИГ однозначно интерпретируются как внутренний аргумент (тема) и внешний аргумент (агенс); для притяжательного местоимения доступна посессивная интерпретация. В (36б) выражен один генитивный аргумент-тема, поэтому притяжательное местоимение может получить интерпретацию посессора или агенса. Если в ИГ переходного существительного не выражено ни одного генитивного аргумента, притяжательная форма допускает любую интерпретацию (36г). Однако, как показывает (36в), приоритет в выражении аргументов всегда за генитивными зависимыми.

(36) а. мой (Poss) портрет Пушкина (Th) художника Кипренского (Ag)

б. мой (Ag/Poss) портрет Пушкина (Th)

- в. *мой (Th) портрет художника Кипренского (Ag)
- г. мой (Poss/Ag/Th) портрет

Наконец, неидентичность генитива ИГ и притяжательного местоимения или прилагательного можно продемонстрировать при помощи следующего рассуждения. Как мы видели в разделах 2 и 3.3, событийные существительные не допускают двух аргументных генитивов. Притяжательные местоимения и прилагательные в этой ситуации позволяют выразить дополнительный (квази)аргумент, ср. (37а-б), (38а-б). Однако если бы притяжательные формы были реализацией генитива, из их грамматичности в (37б), (38б) следовала бы грамматичность генитивных зависимых в (37а), (38а).

- (37) а. *критика взглядов Штирнера Маркса
- б. Марксова критика взглядов Штирнера
- (38) а. *аргументированная критика концепции «реальной политики» оппозиционно настроенных интеллектуалов
- б. их аргументированная критика концепции «реальной политики»

Подведем итоги текущего раздела. Мы не выявили никаких свидетельств того, что источником какого-либо генитива в русской ИГ является функциональная вершина D; напротив, генитивные аргументы проявляют тесную связь с вершиной-существительным. Аргументная структура ИГ определяется не словообразовательной моделью, а значением; релевантным параметром оказывается противопоставление событийных и несобытийных существительных. Притяжательные элементы в ИГ не нуждаются в падеже и, таким образом, не связаны с аргументным генитивом.

4. Проспект анализа

В этом разделе мы в общих чертах наметим альтернативный анализ синтаксиса генитивных посессоров в русском языке, оставив его подробную проработку на будущее. Основные положения, на которых базируется предлагаемый анализ, следующие. Во-первых, вершина D не участвует в приписывании генитива ни в случае предметных, ни в случае событийных ИГ. Во-вторых, не-

тривиальные линейные конфигурации аргументов возникают в результате передвижения именной вершины. В-третьих, притяжательные элементы не заполняют аргументных позиций и являются адьюнктами с широкой реляционной семантикой.

Для предметных существительных мы предлагаем анализ, в соответствии с которым все аргументы возникают в проекции лексического существительного (и, возможно, «переходного» легкого *n*, отвечающего за проецирование внешнего аргумента в именной области, см. [Radford 2000]):

- (39) а. [_{NP} профессора *n* [_{NP} хендаут [_{PP} к лекции]]]
 б. [_{NP} Бакунина *n* [_{NP} письмо [_{DP} сёстрам]]]
 в. [_{NP} брата *n* [_{NP} конспект [_{DP} лекции]]]

В ходе дальнейшей деривации именная вершина претерпевает передвижение в вышестоящую функциональную проекцию X, конкретная природа которой не вполне ясна; предположительно это проекция довольно низкого уровня, например, NumP. В таком случае в качестве мотивации передвижения естественно предложить некоторый признак именной вершины, значимый для морфосинтаксиса числа, например счетность. В этот момент возникают отличия в структуре ИГ с генитивным и не-генитивным внутренним аргументом. Если внутренний аргумент не-генитивный (или его нет), происходит передвижение вершины N, в результате чего все аргументы оказываются справа от глагола, причем генитивный внешний аргумент предшествует прочим аргументам (40а-б). Если же внутренний аргумент генитивный, передвижение вершины нарушает конкретно-языковое ограничение — запрет на разрыв генитивной связи, введенный в работе [Зализняк, Падучева 1979]. Вследствие этого происходит не передвижение вершины N в вершину X, а передвижение группы NP в проекцию XP, так что группа «вершина+генитивный внутренний аргумент» оказывается левее внешнего аргумента (40в).

- (40) а. [_{XP} хендаут+*n*+X [_{NP} профессора # [_{NP} ~~хендаут~~ [_{PP} к лекции]]]]
 б. [_{XP} письмо+*n*+X [_{NP} Бакунина # [_{NP} ~~письмо~~ [_{DP} сёстрам]]]]
 в. [_{XP} [_{NP} конспект [_{DP} лекции]] X [_{NP} брата *n* [_{NP} ~~конспект~~ [_{DP} лекции]]]]]

Событийную интерпретацию существительных мы, вслед за работами [Grimshaw 1990; Marantz 1997; Alexiadou 2001] и многими другими связываем с проекцией V в синтаксической структуре именной группы. Однако в отличие от предшествующих работ мы предполагаем, что любое существительное с событийной семантикой производно от глагола, независимо от наличия в его составе словообразовательных морфем. Это допущение возможно реализовать, если воспользоваться механизмами лексического вставления Распределенной морфологии [Halle, Marantz 1993; Marantz 1997], позволяющими фиксировать в отдельном слове информацию о выборе лексемы, озвучивающей определенную вершину в определенной синтаксической конфигурации (например, лексическая единица V+v+N для значения 'критиковать' должна выглядеть как *критика*, а не как **критикование*).

Таким образом, любая номинализация (как регулярная, так и нерегулярная) связана с инкорпорацией глагола в именную вершину (41a-б).

(41) а. [_{NP} торговля+v+N [_{vP} англичан ~~торговля~~+v [_{VP} ~~торговля~~ [_{DP} опиумом]]]]

б. [_{NP} исполнение+v+N [_{vP} ~~исполнение~~+v [_{VP} ~~исполнение~~ [_{DP} арии]]]]

в. *[[_{NP} исполнение+v+N [_{vP} Шаляпина ~~исполнение~~+v [_{VP} ~~исполнение~~ [_{DP} ария]]]]]

Обсудим теперь специфику падежного оформления аргументов номинализации. Как уже указывалось выше, во многих работах по русским номинализациям предполагается предварительная «пассивизация» глагольной основы, в связи с чем внутренний аргумент становится «подлежащим» номинализации, а внешний аргумент оказывается в позиции агентивного дополнения. Этот анализ поддерживается наличием в регулярных номинализациях морфемы *-н/-т*, соотносимой с показателем пассивного причастия. Следует отметить, однако, что эту морфему содержат и номинализации от непереходных глаголов (*спанье, падение, управление, командование*), однако их аргументная структура не содержит следов пассивного преобразования. Поэтому

мы предполагаем, что никакой «предварительной пассивизации» при номинализации переходных глаголов не происходит.

Собственно, эффект «пассивизации» состоит в том, что при инкорпорации в N глагол теряет способность управлять аккумулятивом, аналогично тому, как в анализе генитива прямого дополнения под отрицанием у С. Браун вершина Asp теряет способность приписывать аккумулятив при инкорпорации в вершину Neg [Brown 1999]. Вместо этого сложная вершина V+v+N приписывает генитив ближайшей с-командуемой цели; тем самым достигается «прилежание» генитива к существительному, ср. (41а-б). Важно заметить, что ближайшей целью может оказаться как внешний аргумент (41а), так и внутренний аргумент при отсутствии внешнего (41б). Неграмматичная структура с двумя аргументными генитивами при таком анализе исключается: имеется всего один источник падежа вне глагольной группы, и этот падеж «расходуется» на ближайшую с-командуемую ИГ-цель, так что внутренний аргумент оказывается без падежа (41в). В этой связи внешний аргумент переходной номинализации не может быть выражен в аргументной позиции; для указания на него могут использоваться притяжательные элементы либо адьюнкт в творительном падеже, возникающий, по утверждению Л. Бэбби [Babby 2009], в тех случаях, когда семантической валентности недостает позиции в аргументной структуре.

Как мы видим, событийные и предметные существительные имеют различный синтаксис, причем не только в отношении проецирования NP, но и в отношении дальнейших синтаксических процессов, связанных с проецированием функциональной структуры ИГ. Если для предметных существительных мы предложили передвижение в вышестоящую проекцию X и соотнесли ее с семантикой числа, то для событийных существительных такое передвижение не предполагается. И действительно, событийные существительные демонстрируют существенные лакуны в выражении грамматических категорий существительного, в частности, категории числа.

Предлагаемый анализ также позволяет объяснить ограничения на выражение внутреннего аргумента переходных событийных номинализаций: как мы помним, внутренние аргументы не могут соответствовать притяжательным местоимениям и при-

лагательным (*мой (Th) осмотр доктора (Ag), *Петино (Th) обследование врача (Ag)). Этот запрет следует из необходимости выражения внутреннего аргумента глагола в аргументной позиции [Grimshaw 1990]; принципиально, что для русского языка притяжательные элементы с аргументной позицией не соотносятся (к аналогичным выводам приходит и Г. Раппапорт [Rapraport 1998]). Таким образом, примеры (5) и аналогичные им не образуют парадигмы: номинализации переходных основ без внутреннего аргумента не имеют процессной интерпретации (ср. (42)), а значит, относятся к классу несобытийных (предметных или абстрактных) существительных, таких как в (40).

- (42) а. *постоянное исполнение Шаляпина
б. *во время исследования Павлова
в. *регулярное назначение врача

Наш анализ, таким образом, предсказывает отличия в порядке слов между непроцессными и процессными номинализациями: если для событийных номинализаций с маркированным ингерентным генитивом внутренним аргументом генитивным внешний аргумент будет предшествовать внутреннему, то для несобытийных номинализаций мы ожидаем предшествования внутреннему аргументу внешнего. И действительно, поиск в НКРЯ позволяет сделать вывод о допустимости обоих вариантов словорасположения в таких конструкциях. Как кажется, в примерах (43) порядок слов действительно коррелирует с несобытийной vs. событийной интерпретацией.

- (43) а. боязнь темноты дикаря vs. боязнь дикаря темноты
б. жажда славы брата vs. жажда брата славы
в. желание власти диктатора vs. желание диктатора власти

Наконец, последнее замечание касается притяжательных элементов. Как уже было сказано, они не заполняют аргументных позиций и соотносятся с доступной при данном существительном семантической ролью. Соответственно, они имеют различный категориальный статус с генитивными зависимыми, которые, напротив, непосредственно соотносятся с аргументной структурой существительного. Возможность сочинения притяжательных и генитивных зависимых, на наш взгляд, можно объяснить нали-

чием проекции PredP, как при сочинении других модификаторов разной категориальной принадлежности:

- (44) а. платья [PredP [AdjP голубое]] и [PredP [PP в горошек]]
б. машина [PredP [AdjP моя]] и [PredP [DP моей жены]]

Притяжательные элементы не связаны с конкретной проекцией в иерархической структуре ИГ, однако, находясь на левой периферии ИГ, обладают всеми признаками притяжательных элементов артиклевых языков.

Литература

- Abney 1987 — S. Abney. The English noun phrase in its sentential aspect. Ph. D. thesis. MIT, Cambridge MA, 1987.
- Alexiadou 2001 — A. Alexiadou. Functional structure in nominals: Nominalization and ergativity. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2001.
- Babby 2009 — L. Babby. The syntax of argument structure. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- Brown 1999 — S. Brown. The Syntax of Negation in Russian: A Minimalist Approach. Stanford, CA: CSLI. Publications, 1999.
- Comrie 1980 — B. Comrie. Nominalization in Russian: lexical noun phrases or transformed sentences? // C. V. Chvany, R. D. Brecht (eds.). Morphosyntax in Slavic. Columbus, 1980. P. 212–220.
- Engelhardt, Trugman 1998 — M. Engelhardt, H. Trugman. D as a source of adnominal genitive in Russian. // Ž. Bošković, S. Franks, W. Snyder (eds.). Formal Approaches to Slavic Linguistics. The Connecticut Meeting 1997. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, 1998. P. 114–133.
- Grimshaw 1990 — J. Grimshaw. Argument Structure. MA: MIT Press, 1990.
- Grashchenkov, Lyutikova 2008 — P. Grashchenkov, E. Lyutikova. Comparative and Adjectival Phrases: What is Richer, Heavier and More Sound. Paper presented at the international conference Formal Description of Slavic Languages 7,5. Moscow, December 2008.
- Halle 1993 — M. Halle, A. Marantz. Distributed Morphology and the Pieces of Inflection. The View from Building 20 // K. Hale, S. Jay Keyser (eds.). Cambridge: MIT Press, 1993. P. 111–176.
- Marantz 1997 — A. Marantz. No Escape from Syntax: Don't Try Morphological Analysis in the Privacy of Your Own Lexicon // University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics 4, 2, 1997, Article 14.
- Pereltsvaig 2006 — A. Pereltsvaig. Small Nominals // Natural Language and Linguistic Theory 24, 2, 2006. P. 433–500.

- Pereltsvaig 2007 — A. Pereltsvaig. On the Universality of DP: A View from Russian // *Studia Linguistica* 61, 1, 2007. P. 59–94.
- Pereltsvaig 2013 — A. Pereltsvaig. Noun Phrase Structure in Article-less Slavic languages: DP or not DP? // *Language and Linguistics Compass* 7, 3, 2013. P. 201–219.
- Radford. 2000 — A. Radford. NP Shells // *Essex Research Reports in Linguistics* 33, 2000. P. 2–20.
- Rappaport 1998 — G. Rappaport. The Slavic Noun Phrase. Position paper presented at the Workshop on Comparative Slavic Morphosyntax. Indiana University, Bloomington, 5–7 June 1998.
- Rappaport 2002 — G. Rappaport. Numeral phrases in Russian: A Minimalist approach // *Journal of Slavic Linguistics* 10, 1–2, 2002. P. 327–340
- Rappaport 2004 — G. Rappaport. The Syntax of Possessors in the Nominal Phrase: Drawing the Lines and Deriving the Forms // J. Kim, B. H. Partee, Y. A. Lander (eds.). *Possessives and Beyond: Semantics and Syntax*. University of Massachusetts Occasional Papers 2x. Amherst, MA: GLSA Publications, 2004. P. 243–261.
- Stowell 1981 — T. Stowell. Origins of phrase structure. Ph. D. thesis, MIT, Cambridge MA, 1981.
- Szabolcsi 1983 — A. Szabolcsi. The possessor that ran away from home // *The Linguistic Review* 3, 1983. P. 89–102.
- Trugman 2005 — H. Trugman. More Puzzles about Postnominal Genitives // J. Kim, B. H. Partee, Y. A. Lander (eds.). *Possessives and Beyond: Semantics and Syntax*. UMOP 29. University of Massachusetts Occasional Papers in Linguistics. Amherst, MA: GLSA Publications, 2005. P. 217–240.
- Trugman 2007 — H. Trugman. Possessives within and beyond NPs // R. Compton, M. Goledzinowski, U. Savchenko (eds.). *Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics*. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, 2007. P. 437–457.
- Апресян 1974 — Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.
- Борщев, Кнорина 1990 — В. Б. Борщев, Л. В. Кнорина. Типы реалий и их языковое восприятие // Вяч. Вс. Иванов (ред.). *Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка*. М., 1990. С. 106–134.
- Гращенко 2004 — П. В. Гращенко. Двойной генитив в русских именных группах // *Материалы международной конференции по компьютерной лингвистике Диалог-2004* (<http://www.dialog-21.ru/Archive/2004/Graschenkov.htm>).
- Зализняк, Падучева 1979 — А. А. Зализняк, Е. В. Падучева. Синтаксические свойства местоимения КОТОРЫЙ // *Категория опреде-*

- ленности — неопределенности в славянских и балканских языках. М.: Наука, 1979. С. 289–329.
- Падучева 1974 — Е. В. Падучева. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М.: Наука, 1974.
- Падучева 1977 — Е. В. Падучева. О производных диатезах отпредикатных имен в русском языке. Проблемы лингвистической типологии и структуры языка, Л.: Наука, 1977.
- Падучева 1984 — Е. В. Падучева. Притяжательное местоимение и проблема залога отглагольного имени. // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1984. С. 50–66.
- Падучева 2009 — Е. В. Падучева. Поссесивы и имена способа действия. Материалы международной конференции по компьютерной лингвистике Диалог-2009 (<http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/html/56.htm>).
- Пазельская 2003 — А. Г. Пазельская. Аспектуальность и русские предикатные имена // Вопросы языкознания 4, 2003. С. 72–90.
- Пазельская 2004 — А. Г. Пазельская. Регулярная многозначность русских предикатных имён. // Studia Slavica IV. Сборник научных работ молодых филологов. Таллин: Изд-во ТПГУ, 2004. С. 291–301.
- Пазельская 2005 — А. Г. Пазельская. Валентные свойства русских отглагольных имен эмоций. // И. М. Кобозева, А. С. Нариньяни, В. П. Селегей (ред.). Труды международного семинара «Диалог» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М.: Наука, 2005. С. 401–406.
- Пазельская 2006 — А. Г. Пазельская. Наследование глагольных категорий именами ситуаций : на материале русского языка. Дисс... к.ф.н. МГУ, М., 2006.
- Шмелев 2008 — А. Д. Шмелев. Поссесивы в современной русской грамматике // Динамические модели. Слово, предложение, текст. М.: ЯСК, 2008. С. 927–942.

Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2014». Вып. 1. Под редакцией Е. А. Лютиковой, А. В. Циммерлинга, М. Б. Коношенко. Рецензенты: к. ф. н. О. И. Беляев, д. ф. н. Я. Г. Тестелец. М.: МГГУ им. М. А. Шолохова, 2014. — 272 с. ISBN 978-5-8288-1555-5